

Чу Янь слегка прищурился и закусил губу, пока из ранки не выступила кровь.

Он лихорадочно принялся давить на корень языка, пытаясь исторгнуть из себя отравленное вино, которое только что проглотил. Половину порции он успел задержать во рту, но остальное уже просочилось в желудок. Чу Янь терзал себя с такой силой, что его едва не вывернуло наизнанку, но он продолжал это самоистязание.

— Не хочу умирать.

Однако для Цзи Чжияня ценен был не он сам, а его труп.

Отрава начала действовать, внутри словно полыхнул пожар. Тело Чу Яня непроизвольно содрогнулось в конвульсиях; боль была невыносимой.

В глубине души эхом отдавались слова Цзи Чжияня: — Я хочу, чтобы ты умер вместо него.

Взгляд Чу Яня похолодел, он стиснул зубы: — Мечтай!

Завтра его должны были вывести на эшафот, и он обязан был переломить ход событий.

Глухая, пронизывающая холодом ночь. Чу Янь сжался в комок.

После выпитого яда боль была нестерпимой.

— Хозяин? — Система выразила беспокойство. В конце концов, нынешний носитель тела был несправедливо казнен, и в нем накопилось слишком много злобы.

— Не волнуйся, просто я очень устал.

Когда Чу Янь прибыл в этот мир, он принял воспоминания прежнего владельца тела. Того, кого он называл господином, звали Цзи Чжиянь.

Цзи Чжиянь был влюблен в заложника из государства Янь по имени Янь Ли, но не решался признаться в своих чувствах. Однажды он встретил Е Линя — прежнего владельца тела — и поразился тому, что тот на семь частей походил на Янь Ли.

Цзи Чжиянь привел Е Линя в свой особняк, чтобы утолить тоску.

Е Линь знал, что он всего лишь тень, но, подобно мотыльку, летящему на огонь, всем сердцем полюбил Цзи Чжияня.

Он надеялся, что если будет всегда рядом, то когда-нибудь сможет завоевать его любовь, но судьба распорядилась иначе: государство Янь, пренебрегая судьбой заложника Янь Ли, начало наступление на государство Чжоу.

Чжоу, разумеется, намеревалось казнить Янь Ли, и тогда Цзи Чжиянь придумал выход.

Он решил, что Е Линь, похожий на Янь Ли, должен умереть вместо него на эшафоте.

Искренние чувства Е Линя были растоптаны в грязь. Цзи Чжиянь действительно поступил так

с ним, собственными руками отправив на верную гибель.

Казнь была назначена на завтра, и Чу Янь, вселившись в это тело, оказался в тюремной камере.

— Как же больно...

Сердце словно распороли, и из него потоком текла кровь.

Его напоили смертельным ядом, но благодаря тому, что после ухода Цзи Чжиюня он вызвал рвоту, большая часть отравы не попала в кровь. И все же действие яда было ужасающим — внутри все горело огнем.

Слишком больно.

Лицо Чу Яня покрылось холодным потом, но взгляд оставался ледяным.

— Цель для захвата: Цзи Чжиюнь.

— Нельзя засыпать, завтра казнь... Нужно придумать способ выбраться отсюда.

В груди Чу Яня стоял привкус крови. Он попытался подняться, но от слабости тут же рухнул обратно.

Он закрыл глаза и от нечеловеческой усталости провалился в тяжелый сон.

Когда он снова открыл глаза, стражники уже вели его на эшафот.

С неба падал мелкий снег, обжигая холодом. Снежинки кружились, укрывая землю белым саваном.

Чу Янь опустился на колени, его лицо было бледным, как снег. Он знал: когда пробьет полдень, его голова скатится с плеч.

— Убить его! Раз государство Янь посмело напасть, нужно казнить этого пса!

— Яньцы вырезают целые города, они хуже зверей, и этот заложник такой же подлец!

Толпа внизу неистовствовала, требуя его смерти. Впрочем, неудивительно... Войска Янь наступали, как нож сквозь масло, и уже подходили к столице Чжоу. Яньцы перебили множество жителей и солдат Чжоу, так что неудивительно, что он стал мишенью для такой ненависти.

Чу Янь вдруг рассмеялся, и под этой яркой улыбкой по щекам покатились слезы: — Господин, вы пришли посмотреть? Даже перед самой смертью вы не пожелали проводить меня в последний путь.

Снег повалил сильнее, готовый поглотить все вокруг.

Цзи Чжиюнь, наблюдавший за всем этим из чайной, судорожно сжал перила.

Даже сейчас он не ненавидит его?

Ведь это он заставил его умереть вместо Янь Ли...

Цзи Чжюнь поджал губы, изо всех сил подавляя чувства. Он твердил себе, что человек, которого он любит — это Янь Ли.

Сейчас Янь Ли был ранен и находился в тюрьме без сознания. Он долго ухаживал за ним, но тот так и не пришел в себя.

Вспомнив, что сегодня казнят Чу Яня, он все же проявил милосердие — не хотел, чтобы тот мучился, и приготовил яд.

Кто бы мог подумать... Чу Янь не умер в камере.

Цзи Чжюнь решил, что доза была слишком мала, поэтому все обернулось именно так.

Он прошептал: — Глупый ребенок, смерть от яда куда безболезненнее, чем от меча палача... Зачем ты решил испытать еще большую боль?

Время неумолимо приближалось к полудню.

В Чу Яня летели тухлые яйца и овощные очистки, на его руках вздулись вены. Если бы не его выдающееся актерское мастерство, он бы не смог сохранить это выражение преданной любви и жалкого отчаяния.

Палач брызнул вином на лезвие меча. Глядя на Чу Яня, стоящего на коленях, он подумал, что за всю свою жизнь, проведенную на плахе, впервые видит столь ослепительного красавца.

— Лезвие острое, ты не почувствуешь боли.

Губы Чу Яня дрогнули, и в конце концов он медленно закрыл глаза.

— Убивай.

Палач пожалел его, но знал, что колебания лишь продлят мучения, поэтому лучше одним ударом покончить со всем.

В тот момент, когда клинок уже был готов опуститься, примчался гонец с императорским указом: — Остановите казнь!

— В чем дело? — чиновник, отвечавший за исполнение приговора, поспешно подошел к нему.

— Государство Янь просит о мире! Ван приказал немедленно доставить Янь Ли во дворец!

Эти слова вызвали всеобщее смятение.

Как могло государство Янь, чьи войска были непобедимы, в такой момент просить о мире? Неужели дело в том человеке на эшафоте?

Неужели правитель Янь дорожит братскими узами...

Все взоры устремились на Чу Яня. В своей простой белой тюремной робе, с мертвенно-бледным лицом, он все еще не утратил своего ослепительного сияния. Особенно сейчас, когда он закрыл глаза — такой жалкий и беззащитный, он невольно вызывал в сердцах людей трепет.

— Молодой господин Ли, идемте с нами.

Чу Янь снова открыл глаза: — Вы... не убьете меня?

— Твой старший брат прибыл и предложил пять городов, чтобы выкупить тебя.

Чу Янь на мгновение замер. Не успел он опомниться, как его уже посадили на коня, и тот помчался вперед.

Цзи Чжюнь, все еще находившийся в чайной, был потрясен случившимся. Он поспешно бросил деньги за вино.

— Эй, господин, вы куда?

— Во дворец! — Цзи Чжюнь сделал шаг, но тут же вспомнил о Янь Ли, оставленном в особняке. — ...Нет, лучше вернусь домой.

Конец одиннадцатого месяца, столица укрыта глубоким снегом.

Чу Янь вошел во дворец и издали увидел, как Ван Янь и Ван Чжоу играют в шахматы. На фоне заснеженного сада, где расцветали красные сливы, стояла доска. Черные и белые камни лежали на поле, оба правителя хранили молчание.

Чу Янь чувствовал страх — ведь он не был настоящим Янь Ли.

Только что вырвался из пасти смерти, как снова оказался на краю пропасти. Если его разоблачат, он обречен.

Чу Янь, бледный как полотно, собрался с духом, надеясь, что никто ничего не заподозрит.

Когда он подошел ближе, Ван Янь сделал последний ход: — Эту партию я выиграл.

Ван Чжоу громко рассмеялся: — Ван Янь, ваша мудрость поистине безгранична.

Они обменялись улыбками, но в этих улыбках скрывались бушующие течения и непримиримая вражда.

Ван Янь заметил Чу Яня и посмотрел на него: — В последний раз, когда я видел Ли-эра, ему было всего десять лет.

Хуай Юэ, сопровождавший Ван Яня, напомнил: — Верно, молодой господин Ли уже десять лет находится в Чжоу.

Ван Янь улыбнулся и снова перевел взгляд на Чу Яня: — Память у меня стала плохой. Ли-эр, я уже много лет не слышал, чтобы ты называл меня старшим братом.

Чу Янь чувствовал, что, хотя Ван Янь и улыбается, взгляд его, направленный на него, был ледяным.

Чу Янь невольно вздрогнул. Увидев это, Ван Янь просто снял свой плащ и накинул его на плечи

Чу Яня: — На улице стужа, не простудись.

От плаща исходил тонкий аромат, но Чу Янь не почувствовал тепла; его сердце, напротив, ушло в пятки.

Этот Ван Янь... он испытывал к нему отвращение.

Нет, точнее будет сказать — он ненавидел Янь Ли?

Но тогда зачем он отдал пять городов, чтобы выкупить его?

Чу Янь ничего не понимал, поэтому опустил голову, спрятав лицо в воротнике плаща: — Благодарю, старший брат.

Ван Янь усмехнулся и посмотрел на Ван Чжоу: — Раз Ли-эр здесь, а мирный договор подписан, я заберу его с собой.

Ван Чжоу сделал жест, приглашая следовать, и позволил Ван Яню уйти прямо у него на глазах.

Его охранник осторожно спросил: — Ван, почему мы не устроили засаду, чтобы убить Ван Яня?

Ван Чжоу нахмурился: — Что ты понимаешь? Ван Янь привел с собой триста тысяч воинов. Если весть о его смерти дойдет до них, они сотрут Чжоу в порошок, и нас ждет еще более жалкая участь.

Однако этот Ван Янь — человек глубокого коварства. Он открыто предложил мир, но эти триста тысяч солдат были немой угрожающим жестом.

Если бы он не согласился обменять Янь Ли на пять городов, Ван Янь, вероятно, нашел бы еще лучший предлог для нападения на Чжоу.

Этот человек невероятно опасен.

Когда Чу Янь и Ван Янь вышли из дворца Чжоу, их ждала карета.

Тело Чу Яня дрожало. Большую часть яда он выблевал, но все же успел проглотить немало.

Ван Янь бросил на него холодный взгляд, в котором отвращение стало еще заметнее. Этот взгляд заставил Чу Яня подумать, что он выкупил его лишь для того, чтобы с большим удовольствием мучить.

— Ван... раз уж молодой господин вернулся...

— Хм, Ли-эр, раз уж ты попал в руки старшего брата, не надейся сбежать.

Подождите... что вообще происходит?

Он слабо позвал Ван Яня: — Старший брат...

Ван Янь не ответил, лишь приказал ему садиться в карету.

Путь был долгим и тряским, у Чу Яня кости ныли от усталости. Ван Янь начал кашлять, его лицо стало ледяным — совсем не таким, как перед правителем Чжоу.

— Ван, выпейте горячего отвара.

— Хуай Юэ, гони быстрее к городу Тяньсью, не отвлекайся на меня.

— ...Слушаюсь.

Хуай Юэ погнал коней еще быстрее, и путь, который обычно занимал пять дней, они преодолели за три.

По дороге Чу Янь заметил, что здоровье Ван Яня гораздо хуже, чем он предполагал. Он не смел много говорить, боясь выдать себя.

Ван Янь обменял его на пять городов — если выяснится, что он самозванец, этот вспыльчивый правитель без колебаний казнит его.

С такими мыслями Чу Янь и Ван Янь наконец прибыли в город Тяньсью.

Раньше этот город принадлежал Чжоу, но был захвачен Ван Янем. Поэтому сейчас он жил не в величественном дворце, а во временной резиденции, гораздо более скромной.

Когда Ван Янь вышел из кареты, слуги привычно подкатили деревянное кресло-коляску. Ван Янь, преодолевая боль в ногах, с нахмуренным лицом пересел в него.

Однако из-за долгой дороги его ноги вдруг подкосились, и он начал падать вперед.

Чу Янь машинально попытался подхватить его, но в следующую секунду из-за потери равновесия сам повалился на землю.

А тело Ван Яня навалилось прямо на него.

В одно мгновение все перевернулось, и Ван Янь оказался сверху, прижав его к земле. Со стороны это выглядело так, будто Ван Янь упал прямо в его объятия.

Чу Янь: — ...

Ван Янь: — ...

Слуги были ошеломлены этой сценой и поспешили поднять правителя.

Ван Янь с мрачным лицом сел в кресло и начал тяжело кашлять, с трудом переводя дыхание.

Его аура была такой тяжелой, что Чу Янь мог лишь покорно следовать за ним. Все, приплыли... только встретились, а он уже успел «соблазнить» правителя.

Чу Янь поклялся, что это вышло случайно! Иначе он бы не упал так неэстетично!

Когда они достигли покоев, Ван Янь явно все еще был в ярости.

К счастью, внутри было тепло от углей, и холод снаружи остался позади.

Ван Янь, подперев щеку рукой, с ленивой грацией смотрел на него: — Ли-эр, знаешь, на кого

ты похож в моих глазах?

— На... на кого?

— На кролика в тигриной шкуре, который дрожит всем телом от любого прикосновения.

Чу Янь: ???

Ван Янь рассмеялся, и в его глазах промелькнула темная волна: — Маленькие кролики слушаются, только когда их сажают в клетку. Согласен?

Чу Янь не понял, что именно имел в виду Ван Янь, и лишь беспомощно хлопал глазами.

Ван Янь прошептал ему на ухо: — Помойся, тебе пора в клетку.

Чу Янь в отчаянии подумал: — ...Кажется, я нашел кого-то еще более вредного, чем я сам.

— Не дергайся, импульсивность — враг разума!

— Сводит личные счета, мелочный извращенец! — мысленно ругал Чу Янь Ван Яня. Неужели он так обиделся на то, что тот случайно потянул его за собой, заставив выставить себя на посмеище?

Чу Янь робко спросил: — Что значит помойся и в клетку? Старший брат, о чем вы? Я не понимаю.

— Не притворяйся дурачком, я этого терпеть не могу. Понял?

Чу Янь застыл. Он видел, что Ван Янь не шутит. К тому же... во дворце Чжоу он ясно видел, что его ненависть была настоящей.

— Кто-нибудь, подготовьте чистую одежду, я иду купаться.

— Слушаюсь.

Слуги ушли готовить одежду, а другие вкатили кресло в ванную комнату.

Бассейн был огромным, выложенным белым нефритом, над водой клубился пар. Обстановка была изысканной, и что больше всего удивило Чу Яня — повсюду были расставлены красные сливы.

Казалось, это любимые цветы Ван Яня, которые меняли каждый день.

— Почему не раздеваешься?

Ван Янь все еще сохранял небрежный вид.

Чу Янь оцепенел: — Старший брат, а почему вы не моетесь?

— Это целебный источник. Когда поднимается пар, моим ногам становится легче. Как только тело согреется, я присоединюсь.

Чу Янь кивнул и подошел к краю. Его руки дрожали, когда он развязывал пояс.

Наконец, раздевшись, он вошел в воду. Когда он вытащил заколку, черные волосы рассыпались по плечам. Пряди плавно погрузились в воду, и с этого ракурса были видны лишь его белоснежные плечи и тонкая талия.

Один только вид со спины был настолько прекрасен, что Ван Янь засмотрелся.

Лишь когда слуга, заходя, случайно опрокинул вазу с цветами, Ван Янь пришел в себя.

— Ваше Величество, простите, простите!

Он посмотрел на слугу и заметил, что тот, хоть и молил о прощении, время от времени бросал жадные взгляды на Чу Яня.

...Он соблазняет даже евнухов?

Ван Яню стало смешно. Откуда взялось это существо, способное так смущать людские сердца?

— Уходи.

— Слушаюсь.

Они остались вдвоем. Тепло целебных вод заметно облегчило боль в ногах Ван Яня.

Он, не снимая одежды, вошел в воду и, подойдя к Чу Яню, осторожно поднял его черные волосы, положив их себе на ладонь.

Пряди, однако, сразу же соскользнули, не желая поддаваться.

— Стар... старший брат?

Чу Янь обернулся, прикусив губу, его глаза покраснели от смущения.

Ван Янь увидел следы на его теле и провел пальцем по одному из них: — Кто это сделал?

Сердце Чу Яня дрогнуло. Он вспомнил, как Цзи Чжиюнь говорил, что Янь Ли в тюрьме подвергался пыткам, и чтобы обман удался, на его теле должны были остаться такие же отметины.

Разумеется... это дело рук людей Цзи Чжиюня.

— В тюрьме.

Чу Янь зажмурился, ожидая гнева, но услышал лишь насмешливый смешок Ван Яня: — Врешь.

Разоблачение заставило сердце Чу Яня упасть в бездну.

К счастью, Ван Янь не стал допытываться. Он зачерпнул ладонями воду и полил на плечи Чу Яня. Капли стекали по его коже.

— Что вы делаете, старший брат?

— Помогаю тебе помыться, разумеется.

— ...Не подшучивайте надо мной.

Ван Янь приподнял бровь: — А что, по-твоему, я делаю?

Чу Янь не нашелся с ответом. Ему казалось, что отношение Ван Яня к нему совсем не доброе.

Двое мужчин, купающихся вместе — это само по себе странно, тем более, что один из них — великий правитель Янь.

Чу Янь подавил свои мысли и вскоре закончил купаться.

Он накинул новую одежду, но шрамы на запястьях выглядели ужасающе. Он не хотел смотреть на них, потому что стоило лишь задуматься, как перед глазами вставала та снежная ночь, когда Цзи Чжюнь смотрел, как его... избивают до кровавой рвоты.

Кровь окрасила снег, оставив следы, похожие на лепестки сливы.

Он инстинктивно прикрыл лицо руками, и руки тоже пострадали.

Он хотел, чтобы он умер вместо Янь Ли, а чтобы никто не заподозрил подвоха — сам нанес ему такие же раны.

Каждый шрам был подарком Цзи Чжюня.

Стоило вспомнить об этом, как сердце Чу Яня немело от боли.

Он поспешно оделся, желая поскорее уйти. Возможно, белый пар был слишком густым, раз его мысли начали путаться.

Вскоре Ван Янь тоже закончил. Он выехал в кресле и с полуулыбкой посмотрел на Чу Яня: — Ли-эр, я приготовил для тебя подарок.

Едва он закончил говорить, слуга поднес поднос, накрытый красным шелком.

Ван Янь сдернул ткань — под ней лежала цепь из холодного железа, тускло поблескивающая в полумраке.

Чу Янь широко открыл глаза, и его беспокойство усилилось: — Это...

— Подарок для тебя, — голос Ван Яня стал ледяным. — Наденьте это на принца Ли.

— Слушаюсь.

Чу Янь попытался сопротивляться, но двое слуг прижали его к земле.

Цепь с лязгом сомкнулась на его шее, словно поводок для собаки.

Лицо Чу Яня побелело. Наконец он понял, что значил тот взгляд Ван Яня во дворце Чжоу.

— Ненависть.

— Мои ноги... это ты когда-то заставил меня ползать по снегу на поводке, как собаку, и я повредил их. Ли-эр, неужели ты думал, что я настолько наивен и отвечу добром на зло?

Чу Янь хотел крикнуть, что он не Янь Ли, но слуги зажали ему рот.

— М-м-м!

— Тсс, шуметь по ночам нехорошо, не находишь? — Ван Янь по-прежнему выглядел расслабленным.

Чу Янь вдруг перестал сопротивляться. Он возненавидел Цзи Чжюня и Янь Ли. Если бы не они...

<http://bllate.org/book/22166/2309066>